

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СУВОРОВСКОЙ КОМИССИИ ПРИ ГЛАВНОМ ШТАБЕ

Истории отечественных музеев позволяют не только понять механизм организации того или иного собрания, не только проследить пути многочисленных перемещений различных экспонатов и установить их истинную принадлежность тому или иному собранию, но также понять и методы музейной работы прошлого. Россия обладает несомненным богатством музейных традиций еще со времени создания Кунсткамеры (1714), не утративших своего полезного значения и по сей день. Формы пропаганды исторических реликвий, память об ученых-энтузиастах, исследователях, коллекционерах и просто ценителях старины, сохранивших для народа его непреходящие богатства, продолжение незавершенных исследований, в силу исторически сложившихся объективных причин не доведенных до конца, — вот далеко не полный перечень того, к чему может подвигнуть современников внимание к музейной истории.

История Суворовского музея в Санкт-Петербурге, крупного центра изучения военной истории и военно-патриотической пропаганды насчитывает чуть более ста лет своего существования со времени первого официального упоминания идеи его создания. Тем не менее обстоятельства возникновения и работы музея практически не изучены. Начальный этап его истории внимания исследователей до сих пор не привлекал.

Фактическим основанием статьи послужили неопубликованные документы Фонда письменных источников музея Суворова (далее ФПИМС) — материалы Суворовской комиссии при Главном Штабе, которые включают в себя следующее:

— протоколы заседаний комиссии с приложением условий и требований архитектурного конкурса на проект здания музея, объявленного Императорской Академией Художеств. Документы сброшюрованы в тетрадь под названием «*Журнал Суворовской комиссии*»¹;

— сопроводительные письма жертвователей к денежным переводам, подписанные в отдельные «*Министерства Военного, Главного Штаба, Суворовской комиссии денежные дела*», прошнурованные и опечатанные, предназначенные для отчета по суммам денег, поступавшим в Казначейскую часть Главного Штаба на устройство Суворовского музея. Письма содержат различную информацию о жертвователях².

Анализ этих источников позволил сопоставить выявленные факты с опубликованными сведениями и показать ту черновую, но важную деятельность комиссии, которая не попадала в прессу.

Специальной литературы по исследуемой теме нет. В различных книгах научно-популярного характера, касающихся вкратце истории Суворовского музея, о Суворовской комиссии при Главном Штабе нет даже упоминания. Их авторы попросту повторяют высказанное в единственном путеводителе по Суворовскому музею ошибочное утверждение о том, что музей стал создаваться с самого начала комиссией при Николаевской Академии Генерального Штаба³.

Скупые данные, уместающиеся в несколько строк, содержатся в книге Г. И. Мееровича и Ф. В. Буданова «Суворов в Петербурге»⁴.

Более широкое освещение деятельности Суворовской комиссии при Главном Штабе была дана прессой своего времени. Военная газета «Русский Инвалид», военный журнал «Разведчик» и, в меньшей степени, газета «Новое Время» регулярно давали краткие информации о деятельности ко-

миссии, публиковали отчеты о сборе средств, держали военную общественность в курсе дела устройства суворовского «памятихранилища». Краткие информационные сообщения изредка перемежались обширными и познавательными статьями⁵. Особенно интересен цифровой материал, публиковавшийся в ежегодных отчетах комиссии. В целом на основании материалов прессы можно составить довольно полное впечатление о деятельности комиссии и, в особенности, о том отклике, который нашла идея увековечения памяти о великом полководце в русской армии и обществе.

Идея всенародного сбора средств на создание памятника великому русскому полководцу, генералиссимусу, князю Италийскому, графу Александру Васильевичу Суворову-Рымникскому возникла задолго до учреждения Особой комиссии при Главном Штабе. В 1894 году в «Русском Инвалиде» появилась заметка корреспондента газеты, подписавшегося «А-нъ»⁶. В этой заметке впервые официально высказывалось мнение о необходимости увековечения памяти великого полководца, причем лучшим средством для этого признавалось создание Суворовского музея в городе Санкт-Петербурге⁷. Средства же на его устройство предполагалось получить в результате всенародного сбора пожертвований. Эта идея нашла широкий отклик в обществе, и заметка была перепечатана многими периодическими изданиями.

В 1894 году вышла в свет брошюра «Памятка о Суворове», автором которой предположительно явился Н. А. Орлов (Памятка о Суворове. СПб., 1894). В ней, в частности, автор написал: «Да, Россия обязана поставить Суворову памятник “превыше пирамид” ко дню столетней годовщины» (с. 26).

Кроме того, в брошюре предлагалось воздвигнуть памятник полководцу Суворову в Красном Селе в воспомина-

ние его любви к лагерной походной жизни (с. 26), а также устроить в Кончанском Суворовский кадетский корпус или Суворовское военное училище (sic!) и инвалидный дом. Выказывалась идея создания при училище Суворовского музея, где были бы собраны все сохранившиеся принадлежавшие Суворову вещи, ордена, а также книги о нем на русском и иностранных языках (с. 26—27).

20 октября/1 ноября 1894 года последовала кончина Императора Александра III, и официальные круги, занятые прославлением памяти в Бозе почившего монарха, временно отказались от реализации идеи создания памятника Суворову. И лишь по прошествии без малого трех лет, в 1897 году, стало возможно возобновить попытки организации сбора пожертвований на Суворовский музей. В «Русском инвалиде» была перепечатана старая заметка «А-на» с кратким редакционным комментарием⁸.

В том же 1897 году некто, обозначивший свою фамилию «М-въ», в открытом письме на имя редактора-издателя военного журнала «Разведчик» В. А. Березовского предлагал организовать подписку на памятник Суворову⁹. По его мнению, нужно было ежемесячно отчислять 0,25—0,5 процента от жалования офицеров на увековечение памяти великого полководца.

В июне того же года вопрос о подписке на суворовский памятник поднимался чинами 81-го пехотного Апшеронского Его Императорского Высочества Великого Князя Георгия Михайловича полка¹⁰. На общем собрании офицеров полка было решено к суворовскому юбилею, совпадавшему с 200-летней годовщиной полка, ежемесячно вычитать из жалования 0,25 процента в течение трех лет — с 1 июня 1897 года по 1 мая 1900 года. Причем было предусмотрено, что если последуют правительственные распоряжения об устройстве памятника великому полководцу, то собранные деньги

обратить на усиление отпущенных на него средств; если же таких распоряжений не последует, то ко дню юбилея на собранные средства в память об Александре Васильевиче Суворове написать образ его небесного покровителя Святого Благоверного Князя Александра Невского и поместить его с неугасимой лампадой в полковом храме.

В марте 1898 года общество офицеров 4-го Финляндского стрелкового полка постановило пожертвовать 200 рублей в фонд памяти Суворова¹¹.

Следствием такого внимания общественности к предстоящему суворовскому юбилею были официально принятые меры. 2/14 февраля 1898 года управляющий Военным министерством, Генерального Штаба генерал-лейтенант Алексей Николаевич Куропаткин представил на утверждение Императору «всеподданейший доклад», в котором приводились мнения о различных способах увековечения славной памяти русского полководца, причем предлагалось соорудить ему памятник в Москве или устроить музей его имени в Санкт-Петербурге¹².

2/14 марта 1898 года по этому докладу и в одобрение почина офицеров финляндских стрелков последовало повеление Императора Николая II открыть ныне же повсеместную по империи, а также в войсках добровольную подписку для сбора пожертвований с целью сооружения памятника Суворову или создания музея его имени¹³. Для сбора средств и определения способа увековечения памяти полководца в соответствии с тем же повелением и была создана при Главном Штабе Особая комиссия, впоследствии названная *Суворовской*.

Создание комиссии и контроль за ее деятельностью были возложены непосредственно на генерал-лейтенанта А. Н. Куропаткина. По его назначению¹⁴ в состав комиссии вошли семь видных деятелей военной науки 90-х годов XIX века.

Председателем комиссии был назначен военный писатель Генерального Штаба генерал-лейтенант Георгий Иванович Бобриков 2-й¹⁵, состоящий для особых поручений при Его Императорском Высочестве Великом Князе Владимире Александровиче, главнокомандующем войсками гвардии и Петербургского военного округа.

В состав членов комиссии вошли видный военный историк, основатель Общества ревнителей военных знаний командир 2-й бригады 2-й гвардейской пехотной дивизии, числящейся по Лейб-гвардии Финляндскому полку генерал-майор Евгений Михайлович Бибииков¹⁶; состоящий для особых поручений при Министерстве внутренних дел генерал-майор Константин Карлович Штрэндман¹⁷; состоящий для особых поручений при Военном министре генерал-майор граф Павел Петрович Шувалов¹⁸; Лейб-гвардии Егерского полка полковник Сергей Иванович Кутепов¹⁹; видный военный историк Генерального Штаба полковник Александр Захарьевич Мышлаевский²⁰ и военный инженер, состоящий в распоряжении Главного Инженерного управления, подполковник Войтех Карлович Фалевич²¹.

Делопроизводством комиссии занимался военный историк, Лейб-гвардии Егерского полка штабс-капитан Александр Владимирович Геруа 2-й²².

Большинство из этих офицеров имели боевой опыт Русско-турецкой войны 1877—1878 годов: генерал-майор К. К. Штрэндман участвовал также и в Крымской войне (1853—1856), а генерал-майор Е. М. Бибииков — в кампании 1853 года.

Участие в работе комиссии являлось делом общественным и не освобождало ни одного из членов от исполнения их основных служебных обязанностей.

Особая комиссия была создана при Главном Штабе и собиралась в Санкт-Петербурге, в здании Главного Штаба на Дворцовой площади, 10²³.

В военной периодической печати появились специальные сообщения о создании комиссии²⁴.

Первое заседание состоялось 15/27 октября 1898 года²⁵. На нем было определено, что музей в несравненно большей степени, чем монумент, отвечает идее увековечения памяти Суворова: именно музей, производя более глубокое и продолжительное впечатление, особенно в воспитательном отношении, в то же время способен вернее отразить характер героя, именно музей может со всевозможной полнотой содействовать восприятию и самой личности Суворова, и его эпохи, именно музей может с одинаковым успехом и пользой послужить и воспитанию войск, и утверждению юношества в истинных началах военного искусства, и научному исследованию не только боевых событий суворовской эпохи, но и всей русской истории.

Резолюция Военного министра, Генерального Штаба генерал-лейтенанта А. Н. Куропаткина на полях протокола заседания комиссии по этому поводу гласила: *«Вполне согласен с изложенными здесь мыслями»*.

Комиссия также, желая иметь монументальное изображение полководца, соответствующее его духу и характеру, сочла своей обязанностью составить руководство для будущего ваятеля, работа которого должна была впоследствии занять место в Суворовском музее.

Расположить музей решили в Санкт-Петербурге — столице Российской империи. В этом городе Суворов жил, скончался и был погребен, в Санкт-Петербурге находилась основная масса военно-учебных заведений, к тому же столица чаще, чем какой-либо иной город империи, посещалась военными служащими, и кроме того Санкт-Петербург являлся главным центром военно-научной деятельности. Место для строительства музея было избрано лишь приблизительно.

Считая дату окончания строительства музея ко дню суворовского юбилея (6/19 мая 1900 г.) маловероятной, Военный министр полагал, что начало музею может быть положено и во временном помещении. Такого же мнения придерживался и член Военно-ученого комитета Главного Штаба Генерального Штаба генерал-лейтенант А. А. Бильдерлинг, который со страниц «Русского Инвалида»²⁶ предлагал устроить памятный Суворовский зал в недавно построенном Офицерском собрании армии и флота в Санкт-Петербурге, на Литейном проспекте, 20²⁷.

Военный министр также предложил считать особым направлением деятельности комиссии отыскание потребного участка земли для музея.

Для успешного выполнения возложенной на комиссию задачи решено было ходатайствовать о введении в ее состав еще двух членов — от Николаевской Академии Генерального Штаба и от Академии Художеств. Представителем первой стал видный военный историк, исследователь суворовских войн участник Русско-турецкой войны 1877—1878 годов ординарный профессор Николаевской Академии Генерального Штаба полковник Николай Александрович Орлов²⁸, который по согласованию с Конференцией Академии и был введен в состав комиссии. О кандидатуре же представителя Академии Художеств конкретного предложения сделано не было.

Председатель комиссии испросил у Военного министра право приглашать на заседание посторонних лиц, способных оказать комиссии какую-либо помощь. Деятельности комиссии предполагалось дать широчайшую огласку. Комиссия также просила разрешить ей для краткости именоваться «Суворовской», что и было позволено²⁹. Контроль за ведением делопроизводства был возложен на экстраординарного профессора Николаевской Академии Генерального Штаба полковника А. З. Мышлаевского.

Суворовская комиссия заседала еще раз в 1898 году — 5/17 декабря³⁰ и семь раз в 1899 году — 16/28 января³¹, 23 января/4 февраля³², 6/18 февраля³³, 20 февраля/4 марта³⁴, 13/25 марта³⁵, 26 мая/7 июня³⁶ и 2/14 октября³⁷.

Не все члены комиссии одинаково активно принимали участие в ее деятельности. Так, генерал-майор граф П. П. Шувалов присутствовал только на трех заседаниях, а полковник А. З. Мышлаевский — на четырех из семи. На восьмом заседании он заявил о своем выходе из комиссии по причине возложения на него новой обязанности начальника Военно-ученого архива Главного управления Генерального Штаба.

В марте 1899 года с разрешения Императора к деятельности комиссии был привлечен генерал-лейтенант А. А. Бильдерлинг. На восьмом заседании вместо полковника А. З. Мышлаевского в число членов комиссии были приняты двое: видный военный писатель участник Русско-турецкой войны 1877—1878 годов начальник штаба 1-й гвардейской пехотной дивизии, Генерального Штаба полковник Николай Алексеевич Епанчин³⁸ и участник Русско-турецкой войны состоящий для поручений при Штабе войск гвардии и Петербургского военного округа Генерального Штаба полковник Владимир Михайлович Воронов³⁹. Из посторонних на второе заседание комиссии были приглашены: собиратель суворовских реликвий состоящий для особых поручений при начальнике Главного Штаба полковник С. В. Козлов и видный архитектор, профессор архитектуры, действительный статский советник А. И. Томишко.

Суворовская комиссия последовательно разрабатывала такие важные вопросы, как сбор пожертвований на устройство музея, сбор памятников суворовской эпохи, могущих стать экспонатами будущего музея, осуществление публикаций и чтение лекций на суворовскую тему, определение места будущего музея.

Помимо этого комиссия в рабочем порядке занималась второстепенными делами: запрашивала Николаевскую Академию Генерального Штаба о чествовании памяти Суворова в ее стенах; поручила генерал-майору Е. М. Бибикову разработать вопрос о личном составе и средствах содержания будущего музея; приняла к сведению мнение Военного министра о возможности создания музея при Николаевской Академии Генерального Штаба; ходатайствовала о наименовании должного быть учрежденным в г. Варшаве в Царстве Польском кадетского корпуса — Суворовским; одобрила идею перенесения Суворовского инвалидного дома из села Каменки Боровичского уезда Новгородской губернии в село Кончанское⁴⁰ того же уезда; выступила с предложением о приобретении Военным министерством доходного дома некой жены титулярного советника Н. В. Маркевич в Санкт-Петербурге, на набережной Крюкова канала, 23⁴¹, где скончался Суворов, чтобы частный владелец не мог когда бы то ни было придать дому назначение, оскорбляющего память полководца. Заметим попутно, что мысль об обращении этого дома в «святилище воспоминаний для Русского воина» и об украшении его соответствующей памятной надписью, высказывалась еще во второй четверти XIX века*.

* * *

Остановимся подробнее на важнейших сторонах деятельности Суворовской комиссии.

Сразу же после официального разрешения деятельности Особой при Главном Штабе комиссии был начат сбор добровольных пожертвований на устройство Суворовского музея — основное дело, ради которого была создана Комис-

* См.: Петербургские воспоминания // Русский Инвалид или Военные ведомости. 1842. 10 и 11. С. 41.

сия. Пожертвования организаций или частных лиц пересылались почтовыми переводами по адресу: Санкт-Петербург, Главный Штаб, Особая комиссия по увековечению памяти генералиссимуса князя Италийского, графа Суворова-Рымнического. По тому же адресу отправлялись и соответствующие сопроводительные письма. Суммы Суворовского фонда сосредоточивались в Казначейской части Главного Штаба, по мере накопления тысячами обращались в процентные бумаги государственной ренты и помещались в Государственный Банк⁴².

Первое частное пожертвование размером в три рубля последовало от партикулярного лица. Некто П. А. Александров, житель г. Симферополя, 24 марта/5 апреля 1898 года прислал пожертвование, сопроводив его следующими словами: *«Движимый непреодолимым чувством глубокого уважения к незабвенной памяти Великого, нет... Величайшего Русского Полководца и генералиссимуса российских войск — Суворова, я, не ожидая подписного листа, почитаю себя счастливым из только что полученного мною жалования, уделить малую часть денег на памятник, воздвигаемый его имени»*⁴³. Первое же индивидуальное пожертвование от военных исходило от штабс-капитана Мадритова и насчитывало пять рублей⁴⁴.

Со страниц «Разведчика», где была опубликована содержательная статья начальника 24-й пехотной дивизии, генерал-лейтенанта Л. М. Дембовского «На памятник нашему народному герою великому Суворову», прозвучал страстный призыв ко всем, «кто имел высокую честь носить военный мундир, принести посильную лепту на памятник русской славы»⁴⁵.

Военная периодическая печать взяла на себя обязанность освещать ход сбора пожертвований⁴⁶.

Уже к 30 ноября/12 декабря 1898 года поступило 811 пожертвований на сумму 17 655 рублей 95 копеек. В обзоре пожертвований за 1898 год, сделанном полковником А. З. Мышлаевским⁴⁷, предполагалось, что при поступлении денег такими темпами и далее пожертвования от войск составят 15—20 тысяч, а всего 40—50 тысяч рублей, что было немало само по себе, но явно недостаточно для выполнения поставленной перед комиссией задачи. Но даже такой первоначальный результат сбора являлся, по мнению полковника А. З. Мышлаевского, удачей, благодаря широкой информации о всенародном деле. Сразу же по открытии сбора особым циркулярным распоряжением Военный министр оповестил командующих войсками военных округов, которые, в свою очередь, направили соответствующие циркуляры подчиненным им командирам отдельных частей и соединений, начальникам штабов и управлений и всем воинским начальникам.

Кроме того, Военное министерство снеслось с Министерством финансов, ходатайствуя о содействии в сборе, перечислении и учете средств, и с Министерством внутренних дел, при помощи которого сведения о сборе были циркулярно доведены до губернаторов, исправников, становых приставов, земских начальников, городских и земских управ, волостных и гминных управлений и пр.

Немалую роль в распространении сведений о сборе средств сыграла пресса. Действия властей различных государственных ведомств по распространению сведений контролировались и получали необходимое содействие от специально назначенных членов комиссии: организация оповещения о сборе по линии Министерства внутренних дел была поручена генерал-майору К. К. Штрэндману, по линии Военного министерства — полковнику С. И. Кутепову, по линии Министерства финансов — полковнику А. З. Мышлаевскому и по линии

иных министерств и ведомств — делопроизводителю комиссии штабс-капитану А. В. Геруа 2-му. Благодаря их деятельности и содействию официальных лиц, сведения об открывшемся сборе были доведены до всех жителей Российской империи, что не замедлило дать свои результаты. Более половины пожертвований в 1898 году поступило от военнослужащих; меньше всех жертвовала интеллигенция — 2 110 рублей 51 копейку через редакцию газеты «Новое Время».

Считая все же результат сбора за 1898 год недостаточным, полковник А. З. Мышлаевский полагал только распространение сведений о сборе лишь половиной дела. «Нужна организация сбора вместо нынешнего полного ее отсутствия», — писал он в упомянутом обзоре. И тут же предлагал сразу три пути активизации сбора:

во-первых, выпуск начальниками частей, штабов и управлений специальных печатных «сборных книжек» для вручения доверенным лицам — энтузиастам создания Суворовского музея;

во-вторых, устройство офицерскими собраниями и военно-учебными заведениями особенных платных балов, концертов, вечеров, спектаклей и публичных чтений (по поводу последних приводился пример Николаевской Академии Генерального Штаба, где этот вопрос был уже в стадии обсуждения);

в-третьих, организации для нижних чинов в период вольных работ лишнего рабочего дня — «дня Суворова», доход от которого поступал бы на устройство музея. В случае, если бы этот рабочий день оканчивался соответствующим познавательным чтением, то имел бы, по мнению полковника А. З. Мышлаевского, еще и воспитательное значение.

В целом сбор пожертвований на устройство Суворовского музея со дня поступления первого перевода — 24 марта/5 апреля 1898 года по 1/13 января 1899 года, то есть факти-

чески за девять месяцев 1898 года, выразился в следующих цифрах: количество пожертвований — 392; общая сумма собранных денег составила более 15 тысяч рублей; наиболее активно жертвовали Министерство внутренних дел, местные казачьи управления, уездные воинские начальники, пехотные и казачьи части, крепостные войска, артиллерия, училища и корпуса, редакции газет и журналов⁴⁸.

В 1899 году сбор пожертвований продолжался. Кроме «Разведчика» и «Нового Времени» средства стали поступать и в редакцию военной газеты «Русский Инвалид»⁴⁹. Помимо посредничества в сборе средств, пресса широко освещала ход поступления пожертвований — почти каждый номер «Разведчика» за 1899 год содержал информацию об этом деле, а «Русский Инвалид» в заметках под рубрикой «Внутренние известия» регулярно, дважды в месяц, после 1 и 15 числа публиковал свои отчеты.

Вопросы организации сбора пожертвований обсуждались комиссией почти на каждом заседании. На третьем заседании было рассмотрено предложение Мышлаевского об установлении «дня работ на Суворова» для нижних чинов. Несмотря на то, что доход от таких «дней» существенно усилил бы поток поступавших пожертвований, комиссия определила ходатайство отклонить, усмотрев в этом попытку придать сбору принудительный характер⁵⁰. На четвертом заседании было определено разослать государственным учреждениям, войсковым частям, административным и частным лицам специальные подписные листы, где были бы обозначены фамилия, имя, отчество жертвователя и проставлена жертвуемая сумма денег⁵¹.

Чтобы облегчить хлопоты по пересылке денег и разгрузить почту от перевода мелких, иногда копеечных сумм денег, Суворовская комиссия обратилась с ходатайством к Министру финансов С. Ю. Витте о подключении к этому делу местных

казначейств. Ходатайство было удовлетворено, и 20 марта/1 апреля 1899 года Министром финансов был издан специальный циркуляр № 24, согласно которому во всех казначействах Российской империи открывался депозит Суворовской комиссии.

В июне 1899 года решено было завести специальные книги, где были бы поименно перечислены все жертвователи. Эти книги предназначались для вечного хранения в музее, но заведены так и не были.

Пожертвования поступали со всех концов России и были размером как в несколько копеек, так и в несколько сот рублей. Многие войсковые части русской армии внесли крупный вклад (свыше 100 рублей) в дело устройства музея: гвардейцы — чины Лейб-гвардии Гренадерского полка и офицеры Лейб-гвардии 4-го стрелкового Императорской фамилии батальона и армейцы — чины Митавского и Саратовского гарнизонов, 23-й пехотной и 2-й Кавказской казачьей дивизии, 56-й резервной пехотной бригады, 17-го пехотного Архангельского, 13-го стрелкового и 49-го драгунского Архангелогородских полков, 6-го Восточно-Сибирского линейного батальона и Саратовской местной бригады.

Еще 3/15 декабря 1898 года офицерами Виленского гарнизона был устроен в здании офицерского собрания товарищеский обед, на котором по инициативе командующего войсками округа, Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернатора, генерал-адъютанта, генерал-лейтенанта В. Н. Троцкого было собрано на устройство Суворовского музея 292 рубля⁵².

По сообщению генерал-лейтенанта Г. И. Бобрикова 2-го⁵³ офицеры 86-го пехотного Вильманstrandского полка, обсудив на общем собрании вопрос об увековечении памяти Суворова, постановили в течение 1899 года и первых

четырёх месяцев 1900 года вносить ежемесячно: субалтерн-офицерам по 25 копеек, ротным командирам по 50 копеек, штаб-офицерам по 75 копеек, что дало бы возможность к маю 1900 года представить в Суворовскую комиссию 450 рублей, а вместе с пожертвованиями нижних чинов, доходом от чтений и увеселений — и все 600.

Почин 81-го пехотного Апшеронского Его Императорского Высочества Великого Князя Георгия Михайловича полка, в котором ещё в 1897 году было решено собирать средства на памятник Суворову, получил поддержку во всех полках 21-й пехотной дивизии, в состав которой он входил. При поддержке штаба дивизии чинами 82-го пехотного Дагестанского полка было постановлено вносить ежемесячно: субалтерн-офицерам по 1 рублю, ротным командирам по 1 рублю 50 копеек, штабс-офицерам по 2 рубля, что вместе со взносами чиновников составило бы около 100 рублей ежемесячно. В 83-м пехотном Самурском полку были распространены подписные листы Суворовской комиссии, а офицеры 84-го пехотного Ширванского полка постановили высчитывать 0,25 процента из жалования ежемесячно. Результатом всех этих мер, по мнению автора корреспонденции «Русского Инвалида», вероятно офицера одного из этих полков, предполагалась передача Суворовской комиссии ко дню юбилея 1000 рублей от 21-й пехотной дивизии⁵⁴.

Такие же крупные суммы денег перечислили штабы военных округов — Иркутского, Московского и Финляндского. Из военно-учебных заведений значительные суммы были пожертвованы офицерами дополнительного класса Николаевской Академии Генерального Штаба.

Необычным образом откликнулся на призыв к увековечению памяти великого полководца проскуровский уездный воинский начальник полковник З. А. Балачинский.

По получении подписного листа Суворовской комиссии им были напечатаны афиши, начинавшиеся словами «Доброе дело!» и призывавшие жителей Проскуровского уезда Подольской губернии жертвовать на суворовский памятник. В результате этих мер население десяти волостей и трех станов уезда внесло в комиссию 408 рублей 6 копеек⁵⁵.

Помимо пожертвований от военнослужащих поступали крупные суммы и от государственных учреждений — Областного правления Терской области, Донецкого и Хоперского окружных правлений, казенных палат: Астраханской, Воронежской, Екатеринославской, Московской, Таврической и Херсонской, правлений Балашовского и Верхнеднепровского исправников и правления Ковенского округа путей сообщения вместе с Ковенской контрольной палатой. Среди крупных жертвователей были и представители дворянских обществ: тридцать три члена Санкт-Петербургского Английского собрания, члены Балахнинского уездного Дворянского собрания. Во Владимирской губернии Дворянское собрание особым постановлением решило пожертвовать 1000 рублей на увековечение памяти владимирского помещика генералиссимуса князя Италийского, графа А. В. Суворова-Рымникского.

После издания вышеупомянутого циркуляра Министерства финансов значительные суммы денег стали поступать и от губернских казначейств: Екатеринославского, Киевского, Минского, Пензенского, Самарского, Тифлисского, Харьковского, и от уездных: Александропольского, Асхабадского, Белостокского, Бобруйского, Брест-Литовского, Ивано-Вознесенского, Кременчугского, Нижне-Уссурийского, Ямпольского, а также от Одесского окружного центрального и Николаевского местного казначейств. Особенно следует отметить жителей Царства Польского, так как от них че-

рез штаб Варшавского военного округа и через Варшавское губернское и уездное казначейства постоянно поступали немалые суммы денег.

Наряду с армией принимал участие в сборе пожертвований и военно-морской флот, но, судя по отчетам о поступлении денег, стремление к увековечению памяти «генералиссимуса всех российских сухопутных и морских сил» было не так значительно, как в армии. Активное участие флота в сборе средств стало проявляться лишь с августа 1899 года.

Немало было и отдельных частных лиц, пожертвовавших крупные суммы денег: генерал-адъютант генерал-фельдмаршал И. В. Гурко, генерал-лейтенант А. Н. Куропаткин, генерал-адъютант генерал-лейтенант В. Н. Троцкий, член Суворовской комиссии генерал-майор К. К. Штрэндман, капитан Ельшин и княгиня А. А. Масальская и другие. В сборе денег приняли участие видный военный деятель времен Русско-турецкой войны 1877–1878 годов, генерал-адъютант генерал-от-инфантерии Н. Н. Обручев (25 рублей) и собиратель суворовских реликвий астроном В. П. Энгельгардт (25 рублей). Одно пожертвование размером в 40 рублей поступило от детей: «Коли, Маруни, Левы, Доси и Всеволода Бобошко». Некоторые жертвователи скрывались под псевдонимами: «Старый солдат», «Будущий солдат», «Донской Артиллерист», а также присылались и анонимные пожертвования.

Немалую долю средств на увековечение памяти своего «вечного» шефа внес и 11-й гренадерский Фанагорийский генералиссимуса, князя Суворова, ныне Его Императорского Высочества Великого Князя Дмитрия Павловича полк. Также и жители Кобринского уезда Гродненской губернии, бывшие суворовские крепостные, через свое уездное казначейство направили в комиссию 15 рублей 95 копеек.

Крупные суммы денег были переведены редакциями «Русского Инвалида» и «Разведчика».

Частные фирмы также приняли участие в сборе, например банкирский дом «Генрих Блок» пожертвовал 52 рубля 20 копеек.

Русские люди со всех концов земли откликнулись на призыв увековечить память своего славного соотечественника. Пожертвования поступили от служащих Императорского Российского посольства в Вашингтоне, от Императорской Российской миссии в Карлсруэ (Великое герцогство Баден, Германская империя), от причта и прихожан церкви Императорского Российского посольства в Париже (Французская республика), от служащих Харбинского отделения Русско-китайского банка (Китайская империя).

Если судить по отчетным документам комиссии, то возвратили подписные листы незаполненными, отказавшись таким образом от участия в сборе, лишь двое директоров пароходных обществ — Р. К. фон Гардман и А. С. Немсинский⁵⁶.

Особое распоряжение было сделано комиссией по поводу средств, собранных жителями Мокшанского уезда Пензенской губернии. Там, в бывших суворовских вотчинах, намечалось свое особенное празднество суворовского юбилея. Чтобы не получилось наложения централизованного сбора средств, осуществляемого Суворовской комиссией при Главном Штабе, на сбор, проходивший по инициативе местных властей, Суворовская комиссия просила пензенского генерал-губернатора в звании камергера графа А. В. Адлерберга централизованную подписку в Мокшанском уезде прекратить, а уже собранные средства обратить на Маровское народное училище и местный приходской храм, построенный, по преданию, самим «барином Александром Васильевичем»⁵⁷.

Некоторые местные военные администрации, учитывая пожелания военнослужащих, для наибольшего успеха сбора средств устраивали платные зрелища, доход от которых поступал в фонд Суворовской комиссии при Главном Штабе. Например, спектакль, организованный офицерами 1-й бригады 35-й пехотной дивизии (г. Рязань), собрал 50 рублей, а челябинским воинским начальником был организован спектакль нижних чинов местной и конвойной команд, давший 22 рубля 78 копеек. При помощи любительского спектакля были собраны средства и нижними чинами управлений Лохвицкого и Сеннинского воинских начальников.

В течение театрального сезона 1898—1899 годов в Рязани были даны три любительских спектакля, организованные по инициативе жены генерал-лейтенанта Юнаковой, супруги начальника 35-й пехотной дивизии. Сбор с третьего спектакля полностью пошел на создание Суворовского музея⁵⁸.

21 марта/2 апреля 1899 года сводный духовой оркестр резервных батальонов, расквартированных в г. Пензе, в помещении Зимнего театра дал благотворительный концерт, доход от которого составил 400 рублей. Третья часть этого сбора была пожертвована на Суворовский музей⁵⁹.

В Хабаровске инициатором подобных платных зрелищ стал военный губернатор Приморской области и наказной атаман Уссурийского казачьего войска генерал-майор Н. М. Чичагов. По его почину 2/14 мая 1899 года в гарнизонном Военном собрании состоялся суворовский вечер. Восторженные отзывы прессы отмечали «особенную постановку, которой на хабаровской сцене еще не бывало». Правда, такая «особенная постановка» потребовала больших расходов, но даже после их покрытия чистый доход, поступивший в Суворовскую комиссию, составил 200 рублей⁶⁰.

Некоторые исследователи суворовской эпохи и просто любители российской военной истории выступали с платными популярными чтениями для народа и лекциями о Суворове.

Так, 2/14 марта 1899 года в Виленском военном собрании с разрешения генерал-адъютанта генерал-лейтенанта В. Н. Троцкого начальником штаба 25-й пехотной дивизии Генерального Штаба полковником А. А. Зегеловым была прочитана платная публичная лекция «О генералиссимусе Суворове». Билеты стоили от 5 рублей до 50 копеек, и довольно значительный сбор поступил на дело увековечения памяти великого полководца⁶¹.

С двумя лекциями о Суворове выступил в марте 1899 года в зале Санкт-Петербургской городской думы член Суворовской комиссии полковник Н. А. Орлов. Темами послужили объекты исследования полковника Орлова — Итальянский и Швейцарский походы русской армии 1799 года. Об этих лекциях было заблаговременно объявлено в прессе, а билеты ценою от 5 рублей до 25 копеек заранее продавались в магазине «Нового Времени» на Невском проспекте, 40, в редакции «Разведчика» и на квартире у самого лектора, а в день лекций — непосредственно в Думе. Как и все сообщения полковника Н. А. Орлова, знатока военной истории и прекрасного оратора, они имели успех и собрали 132 рубля⁶².

Подобные чтения устраивались и в войсках: в штабе 18-й пехотной дивизии — лекция 69-го пехотного Рязанского полка поручика Шеленгофского, собравшая 83 рубля⁶³; в г. Гомеле Могилевской губернии, в зале Офицерского собрания 160-го пехотного Абхазского полка — лекция штабс-капитана Ю. С. Л-а «Александр Васильевич Суворов — учитель и военачальник русской армии»⁶⁴; в Офицерском собрании 68-го лейб-пехотного Бородинского Императора Александра III полка — чтение с «туманны-

ми» картинами о Суворове, сделанное одним из офицеров 67-го Тарутинского Великого Герцога Ольденбургского полка, собравшее 32 рубля 25 копеек⁶⁵.

В марте 1899 года устроил суворовские чтения для простонародья виленский уездный комитет попечительства о народной трезвости, собравшие 59 рублей 3 копейки. «Нельзя не приветствовать этот отрадный частный почин», — писала газета «Русский Инвалид»⁶⁶.

С разрешения временно командующего войсками Кавказского военного округа, помощника главнокомандующего гражданской частью на Кавказе генерал-лейтенанта А. А. Фрезе начальник военно-исторического отдела при штабе округа генерал-майор В. А. Потто ознакомил тифлисское общество с жизнью Суворова, выступив с лекцией, сбор от которой составил 541 рубль⁶⁷.

Перед отдыхающими на водах в станице Кисловодск Пятигорского округа Терской области с сообщением на суворовскую тему выступил начальник штаба 3-й кавалерийской дивизии Генерального Штаба полковник Н. А. Зарубин⁶⁸, ранее прочитавший эту же лекцию перед офицерами Таурогенской бригады Отдельного корпуса Пограничной стражи⁶⁹.

Наиболее чутко отозвалась на столь дорогое для военных людей дело увековечения памяти Суворова — сердце России — Москва⁷⁰. Предложения полковника А. З. Мышляевского о рациональной постановке сбора средств нашли поддержку в первую очередь среди офицеров Московского военного округа. Выразителем мнения этих военных кругов явился начальник штаба округа генерал-лейтенант Л. Н. Соболев, составивший целый проект проведения чтений, одобренный командующим войсками округа, Московским генерал-губернатором, генерал-адъютантом генерал-лейтенантом Великим Князем Сергеем Александровичем. Проект содержал предложение силами офицеров штаба округа Генерального Штаба подпол-

ковника П. Н. Симанского и Генерального Штаба капитана М. Б. Стремоухова не медля организовать платные суворовские чтения по всей Москве и во многих городах Московского военного округа, включавшего еще ряд соседних губерний. Изложенные в проекте требования к чтениям были таковы: первое — популярность; второе — продолжительность один час сорок пять минут с пятнадцати минутным перерывом. По содержанию предполагалось особый акцент делать на кампанию 1799 года по случаю 100-летней годовщины Итальянского и Швейцарского походов. Чтения должны были сопровождаться показом «туманных» картин. Организация чтений возлагалась на местные военные и гражданские власти, представители которых отнеслись с сочувствием к идее чтений, результатом чего была скорейшая их организация и немалый успех. Мысль о суворовских чтениях зародилась в конце января 1899 года, а уже в первых числах февраля был составлен и представлен на утверждение проект их организации, и 17/29 марта состоялась первая лекция.

Центр военного округа — город Москва — был избран первым пунктом для начала чтений. Вся организация чтений была возложена на строевое отделение окружного штаба, а именно на одного из лекторов, обер-офицера для поручений при штабе округа капитана М. Б. Стремоухова. Ко дню первой лекции была заказана сто семьдесят одна «туманная» картина, из них — пятьдесят четыре раскрашенные, изготовленные в мастерских А. Ф. Андиферовой в Москве. Программы лекций были напечатаны типографией штаба Московского военного округа. Местом проведения суворовских чтений стала Большая аудитория Исторического музея у Иверских ворот Кремля. Цена местам первого ряда была три рубля пятьдесят копеек, второго-третьего рядов — два рубля пятьдесят копеек, одиннадцатого-двадцатого рядов — один рубль, а верхней

площадки — пятьдесят копеек. Плата за почетные места была по желанию лиц, получивших почетные билеты. Продажа билетов началась 9/21 марта в штабе округа, а также в магазинах московских книгоиздателей А. С. Суворина, М. О. Вольфа и Карабасникова. «Московские Ведомости», «Московский Листок», «Русские Ведомости» и «Новости Дня» опубликовали бесплатные заметки о Суворове, приуроченные к суворовским чтениям.

Несмотря на все эти меры, билеты покупались неохотно. Правда, только до 17/29 марта — дня первой лекции. Как и было запланировано, в этот день подполковник П. Н. Симанский выступил с лекцией «Жизнь Суворова и его деятельность до кончины императрицы Екатерины II в 1796 году». Содержательная лекция, сопровождавшаяся показом «туманных» картин, принесла лектору благодарную признательность аудитории, что способствовало популярности суворовских чтений — на следующую лекцию все билеты были раскуплены. На другой день, 18/30 марта, в той же Большой аудитории Исторического музея выступил с лекцией капитан М. Б. Стремоухов. Его лекция на тему «Жизнь Суворова и его деятельность с 1796 года и по день кончины» явилась логическим завершением предыдущей лекции и так же, как и первая, имела крупный успех. На обеих лекциях присутствовал генерал-лейтенант Великий Князь Сергей Александрович с супругой Великой Княжной Елизаветой Федоровной.

Публика, встретившая лекции бурными овациями, в основном состояла из военных. На лекциях в Москве присутствовали все высшие военные власти, свита Великого Князя и Великой Княгини, дамы — супруги генералов и офицеров, юнкера военных училищ и кадеты, представители суда, присяжной адвокатуры и даже представители православного духовенства. Сбор от двух лекций составил 1423 рубля 40 копеек.

После столь крупного успеха в первопрестольной столице подполковник П. Н. Симанский и капитан М. Б. Стремоухов выехали в различные города Московского военного округа. Однако время для суворовских чтений было выбрано неудачно, так как начался Великий пост. Православная Церковь и тогда, и сейчас предписывает вообще воздерживаться от посещения общественных собраний с развлекательной целью во время поста. Сыграли свою негативную роль и недоверчивое отношение к военным лекторам, и весенняя распутица. К удивлению лекторов, им пришлось столкнуться и с такими мнениями, что «значительно более понятным, плодотворным и вызывающим большее сочувствие был бы сбор пожертвований на памятник поэту А. С. Пушкину или в пользу пострадавших от неурожая; и что во дни, когда всему миру объявлено искреннее желание установить всеобщий и долговечный мир, как-то непонятен призыв на устройство памятника представителю военных бурь и ужасов». Препятствовала работе лекторов и их собственная неосведомленность о решении Суворовской комиссии создать именно музей, так как на вопросы слушателей о том, в какую форму будет облечено увековечение памяти великого полководца, конкретных ответов не давалось. Плохое техническое обеспечение чтений в провинции требовало двух и более антрактов во время лекции для охлаждения «волшебного фонаря» и наполнения его мешков кислородом, что удлиняло время лекции. Но все же, несмотря на все трудности, результаты суворовских чтений в провинции превзошли все ожидания и были поистине блестящими. Они выразились в следующих цифрах:

— подполковником П. Н. Симанским было прочитано 8 лекций в 8 городах — Москве, Туле, Костроме, Ярославле, Рязани, Тамбове, Смоленске, Твери, что принесло 4433 рубля дохода;

— капитаном М. Б. Стремоуховым прочитано 13 лекций в 10 городах — Москве, Нижнем Новгороде, Орехово-Зуеве, Владимире, Калуге, Воронеже, Орле, Брянске, Иваново-Вознесенске, Шуе, доход составил 7347 рублей⁷¹.

Самый крупный сбор дала лекция в уездном городе Шуя Владимирской губернии — 1204 рубля 95 копеек, а наименьший — лекция в губернском городе Смоленске. Успех лекций в Шуе и других городах Владимирской губернии (общий сбор — 3093 рубля 14 копеек) не был неожиданным, так как владимирский губернатор Генерального Штаба генерал-лейтенант Н. М. Цеймерн обеспечил прекрасную организацию дела. Еще до начала чтений он лично побывал по этому поводу в Москве и помог проведению чтений в фабричных густонаселенных центрах.

Поддержка, оказанная местными властями подполковнику П. Н. Симанскому в Рязани, обеспечила большую популярность чтений среди населения, но сбор был сравнительно невелик, так как в целях общедоступности плата за билеты была установлена ниже, чем в других городах.

Хотя и были приняты меры для успешного проведения чтений в фабричных центрах, но среди рабочих лекции популярностью не пользовались и среди слушателей преобладали представители других слоев населения. Крупные сборы средств, которые дали промышленные города Шуя и Иваново-Вознесенск, объяснялись участием фабрикантов в организации чтений.

Расходы на «туманные» картины, эксплуатацию «волшебных фонарей», печатание афиш скоропечатней А. А. Левинсона в Москве, разъезды и прочие командировочные расходы лекторов составили 795 рублей 86 копеек. Таким образом, чистый доход от суворовских чтений в Московском военном округе составил 10 985 рублей 14 копеек.

Как полезные в познавательном и нравственном отношении суворовские чтения были одобрены православной церковью. Во многих городах на лекциях присутствовали местные епархиальные архиереи, а когда не имели возможности быть лично, благословляли «суворовских» лекторов.

По окончании чтений работа по сбору средств в округе не была остановлена. Командующий войсками округа выразил желание устроить постоянный и повсеместный сбор денег. Всем губернаторам было предписано учредить специальные «сборные кассы», из коих все пожертвования должны были стекаться в окружной штаб.

Таким образом, Московский военный округ явился первым, поставившим сбор на возможно широкие начала, и первым, внесшим единовременный крупный вклад в суворовский фонд, в комиссию при Главном Штабе.

Итоги деятельности Суворовской комиссии по сбору средств выразились в следующих цифрах:

1898 год — собрано 19 484 рубля;

1899 год — собрано 67 407 рублей;

итого за два года собрано более 86 тысяч рублей⁷².

С открытием депозита Суворовской комиссии всеми местными казначействами и рассылкой подписных листов сбор средств значительно упростился. Причем ко времени упразднения Суворовской комиссии при Главном Штабе вернулась лишь половина разосланных листов, а другая половина была уже получена преемницей комиссии — Суворовской комиссией при Николаевской Академии Генерального Штаба.

Наиболее крупные взносы были сделаны штабом Финляндского военного округа — 1396 рублей 42 копейки, штабом Московского военного округа — 1200 рублей 83 копейки, дворянством Владимирской губернии — 1000 рублей, а из

войсковых частей — Тамбовской местной бригадой — 831 рубль 63 копейки. Ежемесячные вычеты из жалованья офицеров были установлены в двадцати войсковых частях, в том числе в Лейб-гвардии Егерском полку, Лейб-гвардии Павловском полку, 12-м гренадерском Астраханском полку и в Измайльском резервном батальоне.

Таковой реально ощутимый отклик нашла в русской армии и обществе идея увековечения памяти Суворова.

Сбор пожертвований на сооружение суворовского памятника мог проходить успешно только при условии популярности имени великого полководца в народе. Хотя имя его, как легенда, и передавалось из уст в уста поколениями, но уровень исторических знаний о суворовской эпохе и о роли полководца в происходивших событиях был весьма низок. Памятуя о приближении юбилейной даты, многие книгоиздатели предприняли меры для распространения знаний о Суворове среди народа. В тех случаях, когда инициатором подобных изданий был Главный Штаб, подготовка их к печати была возложена непосредственно на членов Суворовской комиссии. Инициатива же частных издателей была ей, несомненно, подконтрольна.

В сорок четвертом номере «Русского Инвалида» за 1899 год сообщалось⁷³, что печатается и скоро поступит в продажу «художественная картина в красках „Суворов и его подвиги“», исполненная художником А. А. Чикиным. На картине размером 67 на 90 см помещены портрет Суворова и четырнадцать эпизодов из его боевой и частной жизни с пояснениями. Картина была составлена по историческим документам, гравюрам, другим картинам и описаниям суворовской эпохи по исследованиям генерал-адъютанта генерал-фельдмаршала Д. А. Милютина, полковника А. Ф. Петрушевского, полковника Н. А. Орлова и других. Цена ее составляла 75 копеек без пересыл-

ки, книгопродавцам делалась обычная скидка, а приобрести картину можно было в книготорговом магазине Главного Штаба на Невском проспекте, 4, в Санкт-Петербурге и у книгопродавца В. В. Думнова (наследника бр. Салаевых) в Москве.

К изданиям Главного Штаба относится и богато иллюстрированная книга «Генералиссимус Суворов и его подвиги». «Одна черта рисунка говорит больше, чем целая книга для простых и малограмотных людей особенно», — писал об этой книжке автор корреспонденции по ее выходе в свет⁷⁴.

К юбилею была выпущена и целая серия изданий суворовской тематики на всякий вкус и достаток. Они предназначались для раздачи запасным, призываемым на учебный сбор, ратникам ополчения, для подарков нижним чинам в дни праздников и при увольнении в запас. Одна из них — «Солдатская Ода Суворову», составленная поэтом Бирюзой, была непритязательна по рифмам, но написана доступным языком в народном духе, а для большей ясности содержание ее было еще и пересказано прозой на обороте. Цена «Оды» была от 3 до 5 копеек, в зависимости от качества бумаги, а осуществлял ее продажу как за наличные, так наложенным платежом и в кредит войсковым частям, буфетам, читальням и крупным книжным магазинам Н. М. Гордеев из г. Двинска⁷⁵. Следует отметить, что эта книжка была довольно-таки популярна в армии. В праздничные и суворовские памятные дни ее раздавали кадетам, юнкерам, школьникам, способствуя тем самым «осмысленному восприятию грядущего суворовского юбилея». Достаточно сказать, что некоторые дивизии, многие полки, артиллерийские бригады, другие части и почти половина всех уездных воинских начальников выписали «Оду» на полное число нижних чинов⁷⁶.

Военный издатель В. А. Березовский не остался безучастным к делу прославления памяти Суворова печатным словом. В 1898—1899 годах он выпустил несколько изданий на суворовскую тему: книгу члена Суворовской комиссии полковника Н. А. Орлова «Поход Суворова в 1799 году (по запискам Грязева)» и очерк военной деятельности Суворова в общедоступном изложении Генерального Штаба капитана Е. Васильева, «Рассказы про Суворова» известного биографа полководца полковника А. Ф. Петрушевского, биографический очерк «Александр Васильевич Суворов» известного писателя «для народа и войска» А. Ф. Погосского. Также был издан гравированный портрет полководца в полный рост и при всех регалиях. Выпуск такого же портрета в литографированном варианте и по доступной цене (за 3 копейки⁷⁷) был предпринят им для раздачи нижним чинам.

В 1899 году силами Военно-ученого комитета Главного Штаба и под редакцией крупнейшего военного историка Д. Ф. Масловского было выпущено в свет второе дешевое издание книги «Воспоминания суворовского солдата», предназначенное для чтения нижними чинами⁷⁸.

Через начальника штаба Московского военного округа московский издатель А. Е. Пирогов просил Суворовскую комиссию принять по 2 рубля с каждого проданного экземпляра сочинения «Русская военная сила» и намеревался на таких же условиях предпринять и переиздание этого сочинения⁷⁹.

Таким образом, как явствует перечень, основной упор в предъюбилейных изданиях делался на популярность, доступность по цене и доходчивость изложения, чтобы донести даже до неграмотных порой солдат сведения о героических событиях российской истории.

Суворовская комиссия одновременно со сбором средств на устройство будущего музея начала работу и по сбору памятников суворовской эпохи, заложив основу будущего «памятихранилища».

Необходимость некоторых экспонатов была обусловлена предполагавшимся композиционным решением экспозиции. Так, центральный зал будущего музея по замыслу комиссии должна была украсить статуя полководца, выполненная специально для музея по описанию, составленному комиссией⁸⁰. Тем самым была бы отдана дань и первоначальной идее создания суворовского памятника⁸¹. (Суворовской комиссии при Главном Штабе не довелось реализовать этот замысел, но он был воплощен в жизнь впоследствии. Несмотря на неоднократные перемещения коллекции и многочисленные переделки экспозиции, и по сей день Центральный зал Государственного Военно-исторического музея А. В. Суворова украшает статуя полководца работы скульптора И. К. Репина⁸² — гипсовая копия с бронзовой фигуры, исполненной скульптором И. Н. Шредером для Парадной лестницы Главного Штаба.)

К числу предполагаемых экспонатов будущего музея относилась и бронзовая или мраморная мемориальная доска в память о почине офицеров 4-го Финляндского стрелкового полка, положившем начало сбору средств на устройство музея⁸³. Этой доской, по замыслу комиссии, должна была открываться экспозиция музея, но она никогда не была создана, хотя почин офицеров финляндских стрелков не был предан забвению — в настоящее время в экспозиции помещено подлинное сопроводительное письмо к переводу пожертвования⁸⁴.

Для того чтобы сосредоточить в создаваемом суворовском музее максимально возможное число памятников, характеризующих суворовскую эпоху и личность полковод-

ца, памятников, в большинстве своем рассеянных по музеям, частным собраниям и даже складам, цейхгаузам и церквям, комиссией проводилась обширная собирательская работа по нескольким направлениям. По мнению комиссии⁸⁵, прежде всего надлежало собрать все рукописные и печатные произведения, прямо относящиеся к личности полководца или характеризующие современную ему среду; предметы одежды, вооружения, снаряжения русской армии елисаветинских—павловских времен и все, относящееся не только к самому Суворову, но и вообще к военной стороне современной ему эпохи. Для достижения этого было определено⁸⁶ начать работу по составлению общего списка сохранившихся памятников суворовской эпохи, находящихся в музеях и частных собраниях Российской империи и, насколько то будет возможно, за рубежом. Предполагалось в случае наличия в собрании дубликата или при желании владельца передать предмет Суворовскому музею делать в этом списке соответствующую отметку. Кроме пополнения коллекции музея, такой список позволил бы выявить большое количество предметов того времени и осуществить контроль за их изучением, хранением, использованием и всевозможным передвижением, что позволило бы знать как имеющиеся, так и будущие экспонаты. Но, к сожалению, подобный список-каталог комиссией составлен не был.

Общий контроль за ходом поиска всех суворовских реликвий был возложен на генерал-майора графа П. П. Шувалова⁸⁷.

Если собрание памятников суворовской эпохи, бывших некогда в изобилии и впоследствии распыленных по многим коллекциям, было делом лишь кропотливым и требующим времени, то труднее обстояло дело с поиском мемориальных вещей полководца, к рубежу XIX—XX веков приобретших реликвийную ценность. Для выяснения их судьбы

было тогда же поручено генерал-майору К. К. Штрэндману обратиться к здравствовавшим потомкам Суворова⁸⁸. Штрэндман выяснил и доложил комиссии, что прямых потомков полководца нет, так как род Суворовых пресекся со смертью правнука полководца полковника светлейшего князя Италийского, графа Аркадия Александровича Суворова-Рымникского. Одновременно был представлен обширный список представителей многих русских дворянских фамилий, являвшихся потомками Суворова по женской линии. Причем было решено, что впоследствии, когда разработка подробностей проектируемого здания будет исполнена, следует обратиться ко всем потомкам полководца с просьбой о содействии в трудном деле собирания вещественных памятников⁸⁹.

Но некоторые из потомков, узнав о создании музея, не стали дожидаться шагов со стороны комиссии, а самостоятельно представили сведения о суворовских реликвиях. Владелец суворовского майората новгородский помещик В. В. Молоствов сообщил, что в знаменитом селе Кончанском, месте ссылки опального полководца, находится старинная Александро-Невская церковь, построенная тцанием Суворова, чтимая и усердно посещаемая им во время приездов и жизни в имении. От суворовских времен в ней сохранились некоторые иконы и Царские врата⁹⁰. Там же хранились некоторые орденские знаки, которыми был пожалован Суворов, а бриллиантовые знаки орденов, по сведениям В. В. Молостова, находились в собрании Императорского Эрмитажа в Санкт-Петербурге⁹¹.

Первые суворовские реликвии прислала в комиссию праправнучка полководца Л. В. Хитрово. Это были миниатюрные портреты Суворова и его супруги Варвары Ивановны (урожденной княжны Прозоровской), по семейному преданию принадлежавшие самому полководцу. Вме-

сте с миниатюрами, с которых владелица просила снять для себя копии, были присланы вид упомянутой Кончанской Александро-Невской церкви и гравированный портрет полководца с трофеями. Помощь потомков полководца — В. В. Молодцова и Л. В. Хитрово — была с благодарностью принята комиссией⁹².

Целую программу скорейшего комплектования музейной коллекции предложил генерал-лейтенант А. А. Бильдерлинг в статье «Музей Суворова», опубликованной в «Русском Инвалиде»⁹³. Он считал, что прежде всего в музее должны быть сосредоточены все возможные изображения Суворова. Бильдерлинг предлагал снять копию со шредеровской статуи, заказать мраморную или бронзовую копию бюста полководца, выполненного скульптором В. И. Демут-Малиновским⁹⁴, доступная высококачественная копия с которого находилась в Академии Художеств; скопировать портреты: работы художника С. Фросте — парадный во весь рост, что хранился в Зимнем дворце в Санкт-Петербурге⁹⁵, и подобный по типу, но малый, поясной, работы неизвестного художника середины XIX века, находившийся в Гатчинском дворце (г. Гатчина Санкт-Петербургской губернии)⁹⁶, приобрести подлинник или копию с прекрасного портрета, исполненного пастелью художником И.-Г. Шмидтом, обнаруженного художником В. В. Верецагиным в «забытом имении Новгородской губернии» и приобретенного впоследствии для Императорской коллекции⁹⁷. И как отличную характеристику своего времени, включить в собрание иностранные гравюры, используя для того прекрасные коллекции гравюр Эрмитажа, Академии Художеств и Императорской Публичной библиотеки⁹⁸, Исторического музея, а из собраний частных лиц — известную коллекцию П. Я. Дашкова. Имевшиеся в этих собраниях дубликаты предлагалось приобрести, а с наиболее ценных — снять фотографические копии.

Однако, памятуя о том, что коллекция будущего музея должна характеризовать не только личность Суворова, но и боевую деятельность русской армии, всю военную сторону эпохи, А. А. Бильдерлинг предлагал иметь в музее и копии батальных картин суворовских походов, таких как «Переход Суворова через Чортов мост» художника А. Е. Коцебу, находившейся в Зимнем дворце⁹⁹, и «Торжественная встреча Суворова в Милане 18 апреля 1899 года» художника А. В. Шарлеманя, находившейся в Гатчинском дворце¹⁰⁰. Картины, изображающие столь важные события суворовских войн, как штурм Измаила 1790 года во время Русско-турецкой войны 1787—1791 годов и штурм варшавской Праги 1794 года во время Польской инсurreкционной войны 1792—1794 годов намечалось заказать современным художникам¹⁰¹. По мнению генерал-лейтенанта А. А. Бильдерлинга, в экспозицию будущего музея следовало ввести мраморные мемориальные доски с надписями о всех суворовских походах, сражениях и с поименованием всех полков русской армии, принимавших в них участие. Экспозицию должны были украсить образцы обмундирования, снаряжения и вооружения всех родов войск суворовских времен, копии которых можно было сделать по образцам магазина образцов Главного Интендантского управления. Даже наиболее выдающиеся трофеи предполагалось представить в копиях. Библиотеку музея должны были составить все сочинения на русском и иностранных языках о Суворове и о его походах, истории всех полков, сражавшихся под началом великого полководца и все воинские артикулы того времени. Реликвийный отдел должен был состоять из предметов, принадлежавших полководцу, а музейный архив — включать в себя рисунки, чертежи, копии или подлинные приказы, инструкции, указы, грамоты, рукописи и прочее.

Ко всему вышеизложенному полковник Н. А. Орлов предлагал еще добавить модели крепостей, покорившихся суворовским войскам, желательно — самой интересной из них — Измаила¹⁰².

Артиллерийский Исторический музей прислал в комиссию нижеприведенный список предметов¹⁰³:

реликвийные предметы:

гипсовая посмертная маска¹⁰⁴1

бронзирванная гипсовая посмертная маска...1

трофеи Польской кампании 1792—1794 годов:

знамя Т. Костюшко.....1

знамена, взятые при Селище.....2

знамена, взятые при варшавской Праге.....2

литавры.....1

предметы русской армии наваловского времени:

знамена армейские и гвардейские.....339

значок.....1

штандарты разных полков.....81

алебарды.....14

эспонтоны разных полков.....35

палаши драгунские.....2

тесак армейский.....1

мушкетеры.....36

ружья.....18

ружье парадное.....1

пистолет.....3

пистолет.....1

шапки разных образцов.....36

перевязи штандартные.....38

пушки.....2

пушки горные (проект).....4

Таким образом, был заложен фундамент успешно продолжающегося поныне сотрудничества между Артиллерий-

ским Историческим музеем (ныне Военно-исторический музей Артиллерии, Инженерных войск и войск Связи) и будущим Суворовским музеем (ныне Государственный мемориальный музей А. В. Суворова).

Из владельцев частных собраний активно сотрудничал с комиссией полковник С. В. Козлов. Он сообщал, что им принято приведение в порядок некоторых имеющихся у него вещей, которые он в свое время с удовольствием предложит на обозрение членов комиссии. Мнение генерал-лейтенанта А. Н. Куропаткина о коллекции полковника С. В. Козлова было таково: «Коллекция, собранная полковником Козловым, заслуживает полного внимания. Надо надеяться, что она попадет в музей Суворова. Прошу председателя комиссии генерала Бобрикова доложить мне, что предполагается купить или собрать для музея Суворова». Комиссия воспользовалась любезным предложением владельца собрания и поручила полковнику В. М. Воронову ознакомиться с коллекцией и с условиями ее передачи¹⁰⁵.

Большая работа по отысканию документов, относящихся к Суворову, велась полковником А. З. Мышласевским в Военно-ученом архиве Главного Штаба, Публичной библиотеке, Московском архиве Главного Штаба, архиве Министерства иностранных дел¹⁰⁶. Штабс-капитан А. В. Геруа 2-й, исследовавший архив Лейб-гвардии Семеновского полка и обнаруживший там интересующие комиссию документы о первых шагах в военной службе полководца, ходатайствовал об их передаче Суворовской комиссии¹⁰⁷.

Завершило собирательскую деятельность Суворовской комиссии при Главном Штабе извещение о некоторых памятных суворовских предметах, находящихся за границей. Так, российский уполномоченный в делах при Королевском Баварском Дворе, действительный статский

советник А. П. Извольский сообщил о коллекции некоего доктора Шубарта «Силуэты Фридриха Антинга», где имелось изображение и Суворова, и некоторых его современников. Эта коллекция, заключенная в альбом, принадлежала вдове доктора Шубарта, проживавшей в Мюнхене (королевство Бавария). Ее собирался приобрести за 10 000 франков историк, Великий Князь Николай Михайлович. Другой, интересующей комиссию вещью, о которой сообщил А. П. Извольский, был редкий небольшой акварельный портрет полководца, совершенно схожий в уменьшенном виде со шмидтовской пастелью и находившийся у некоего графа Викенбурга в местечке Глейхенберг в герцогстве Штирия (Австро-Венгерская империя).

Не все представляемые материалы безоговорочно принимались комиссией. Например, предложенная офицерами 189-го пехотного резервного Белгорайского полка написанная ими «Песнь в честь генералиссимуса князя Суворова» была признана неудовлетворяющей своему назначению и отклонена.

На первом же заседании комиссии было решено приступить к составлению архитектурного эскиза музея и определению размеров здания, которое должно было быть выполнено в строгом стиле, иметь облицовку камнем и стоять не дороже 150 000 рублей¹⁰⁸. Разработка требований к проекту музейного здания была поручена генерал-майору Е. М. Бибикову, а расчет технических его характеристик — подполковнику В. К. Фалевичу. Для создания архитектурного проекта здания будущего Суворовского музея требовалось организовать творческий конкурс. Труды по его организации под эгидой Академии Художеств взял на себя действительный статский советник А. И. Томишко. Им были приглашены маститые архитекторы конца XIX века — коллежский асессор А. Р. Бах, академик архитектуры

Г. Д. Grimm и титулярный советник В. Ф. Свиньин. Представил на конкурс свой проект и подполковник В. К. Фалевич, который сумел в своем замысле уложиться точно в предполагаемую сумму расходов. Не ожидая официального объявления результатов конкурса, военная пресса поспешила дать информацию о проекте В. Ф. Свиньина как о победившем¹⁰⁹. Причем отмечалось, что здание музея решено в «новом русском стиле с заимствованием некоторых деталей архитектуры московского Кремля, силуэт музея представляется в виде крепости с бойницами, башнями, бастионами». По сведениям автора анонимной корреспонденции, на трех или четырех стенах фасада проектировались мозаичные картины, изображающие битвы суворовских солдат¹¹⁰. Это описание, в общих чертах и некоторых деталях схожее с существующим ныне зданием музея, позволяет заключить, что воплощенный в жизнь в 1901—1904 годах проект академика архитектуры А. И. фон Гогена не был оригинальным, а лишь компилятивным вариантом, включившим в себя детали разработанных ранее проектов, в том числе первого удостоенного одобрения комиссии проекта В. Ф. Свиньина.

Но сообщать о победе этого первого проекта, как то сделал корреспондент «Русского Инвалида», было преждевременно. Первый конкурс явился лишь подготовкой, пробой сил для будущей серьезной творческой работы. К концу 1898 года еще недостаточно были выяснены условия, которым должен был отвечать проект музейного здания, поэтому Суворовская комиссия, отметив художественные достоинства представленных проектов и поблагодарив участников, взявших на себя безвозмездно этот труд, определила не принять ни один из них¹¹¹.

А «Русскому Инвалиду» пришлось дать опровержение своей преждевременной корреспонденции о результате конкурса¹¹².

В начале 1899 года были разработаны условия, которым должно было отвечать проектируемое здание¹¹³. Они заключались в следующем: музей должен иметь большой зал для вещей, два других, наподобие аудиторий, и помещение, предназначенное для библиотеки; если главный зал будет освещаться сверху, то аудитории могут располагаться по бокам, отделяясь от него колоннадою арок; при сильном архитектурном развитии большого зала библиотека может быть расположена на хорах, а для чтения лекций будет служить сам зал; кроме этих помещений необходимы:

- а) кабинет-канцелярия,
- б) вестибюль с прихожей,
- в) комнаты на антресолях для швейцара и сторожей,
- г) подвальные помещения для центрального отопления со складом дров.

Объем здания ограничивался 1200 кубическими саженьями. Стоимость здания определялась из расчета 120 рублей за каждую кубическую сажень, по 50 рублей отпускалось на внутреннее оборудование. Вся постройка предполагалась из негорючего материала, облицовка — предпочтительно тесаным камнем, допускалась и мозаика. Внутренняя отделка планировалась простой, а главный зал и вестибюль более богатой архитектуры. Отделку фасадов рекомендовалось посвятить трем основным суворовским войнам — Русско-турецким со штурмом Измаила и сражением на реке Рымник, Польской инсurreкционной со штурмом варшавской Праги и Итало-швейцарскому походу с переходом через Альпы.

Ходатайство об организации творческого конкурса было вновь направлено в Академию Художеств.

Совместно с Академией стоимость здания была исчислена в 135—150 тысяч рублей, а также выработаны требования, которым должны были удовлетворять эскиз-

ные проекты¹¹⁴. Представляемые на конкурс проекты должны были состоять из чертежей двух фасадов — лицевого и бокового, разрезов и планов в масштабе 1 дюйм в сажени, а для планов — в половину того. К чертежам должна была прилагаться объяснительная записка с указанием кубического объема здания и его частей. Чертежи должны были быть вычерчены в чертах или тушированы одним тоном и представлены в папках, но не свернутыми в трубку. Все помещения должны были иметь на чертежах свои наименования и обозначения своих площадей. Имя автора обозначалось на листе бумаги, запечатанном в конверт, имевший снаружи условный знак или девиз. Проекты представлялись на конкурс в Санкт-Петербург в Академию Художеств до 10 апреля 1899 года, причем иногородние участники имели право еще в течение семи дней после этого срока доставить квитанции, удостоверяющие об отправке проектов до этого дня. Рассмотреть представленные проекты и объявить результаты конкурса поручалось специальной комиссии, созданной при Академии. Трех победивших участников предполагалось премировать денежными суммами в размере четырехсот, трехсот и двухсот рублей. За каждый не премированный, но одобренный Суворовской комиссией и приобретенный ею проект, предполагалось выдавать автору по сто рублей.

Проекты, которыми Суворовская комиссия пожелает воспользоваться, должны были стать ее собственностью. Автор проекта, признанного лучшим, включался в число членов комиссии и в двухмесячный срок должен был представить полную его разработку со сметой за вознаграждение в размере пятисот рублей.

25 января 1899 года состоялось заседание конкурсной комиссии Академии Художеств, в котором принял участие и член Суворовской комиссии подполковник В. К. Фа-

левич. Темой обсуждения послужило распределение времени и ассигнований для постройки здания музея. Конкурс на составление проекта здания музея предполагалось объявить зимой 1899 года, а представление детального проекта в окончательном виде ожидалось в середине лета того же года.

Отсюда предположительное разделение строительных работ на периоды было следующим:

1) осенью 1899 года провести подготовительные работы на месте постройки здания и заложить его фундаменты.

Ассигнования на 1899 год были определены размером в 50 000 рублей;

2) зимою 1899—1900 годов заготовить весь строительный материал;

3) с весны до осени 1900 года выстроить здание в черновом виде.

Ассигнования на 1900 год были определены размером в 75 000 рублей;

4) зимою 1900—1901 годов заготовить материалы для окончательной отделки здания;

5) в строительный период (с весны до осени) 1901 года довести до конца все строительные работы.

Ассигнования на 1901 год были определены размером в 25 000 рублей.

На заседании также был определен порядок производства работ. В решении отмечалось, что, ввиду некоторых особенностей здания — архитектурной отделки фасада, художественной обработки некоторых внутренних помещений и отдельных деталей: лестниц, дверей, окон, особого устройства отопления и тому подобного, с одной стороны; и постройки такого сооружения, как музей, посвященного историческому имени, — с другой, Суворовский музей должен быть безукоризненным по своему исполнению, то есть изящным

и прочным, из отличнейших материалов и наилучшей работы, и, следовательно, хозяйственные операции этого дела должны быть чужды коммерческой выгоды. Подобные обстоятельства исключали возможность выполнения строительных работ оптовыми подрядчиками. Комиссией был предложен более целесообразный, по ее мнению, способ производства строительных работ, принятый в Военном ведомстве для хозяйственных комитетов, при участии фактического контроля. Общее руководство делом было предложено предоставить Суворовской комиссии, в которой была бы образована строительная подкомиссия с правами хозяйственного комитета.

3 февраля 1899 года в заседании конкурсной комиссии при Академии Художеств принял участие ее постоянно утвержденный состав: от Академии Художеств — профессор архитектуры тайный советник Р. А. Гедике, профессор архитектуры действительный статский советник А. И. Томишко, академик архитектуры, коллежский советник М. Т. Преображенский, профессор архитектуры надворный советник Л. Н. Бенуа, профессор архитектуры надворный советник А. Н. Померанцев, академик архитектуры титулярный советник А. Н. Бенуа, академик архитектуры В. В. Суслов; от Военного ведомства — генерал-лейтенант А. А. Бильдерлинг и подполковник В. К. Фалевич.

Тогда же был официально объявлен конкурс на изложенных условиях, не давший, впрочем, положительных результатов в силу плохой осведомленности архитектурных кругов о самом конкурсе, некоторой расплывчивости поставленных задач. Но главной проблемой было отсутствие сведений о точном месте расположении музея, что и не позволяло архитекторам даже предположительно вписать будущее его здание в сложившиеся архитектурные ансамбли Санкт-Петербурга.

Неожиданно возникли большие затруднения с определением места будущего музея. Еще на первом заседании было признано наиболее целесообразным строить музей в Санкт-Петербурге, конкретное же место было определено лишь приблизительно. Из центральных районов столицы, к концу XIX века уже полностью архитектурно сложившихся, достаточными для постройки монументального здания площадями обладал лишь район Марсова поля. Именно он и был первоначально выбран Суворовской комиссией, но определение более точного места вызвало большие споры. В границах избранного района предполагалось несколько конкретных мест.

Первое место — Марсово поле — посредине его, со стороны Летнего сада или против Троицкого моста. В конце XIX века оно представляло собой пыльное немощенное пространство, где с екатерининских времен устраивались парады и смотры войскам петербургского гарнизона. Такое «милитаризованное» назначение площади, въезд на которую открывался памятником Суворову, близость казарм нескольких войсковых частей делало уместным постройку Суворовского музея именно здесь. Монументальное здание музея, несомненно, украсило бы неблагоустроенное пространство унылого плаца, хотя и неизвестно, насколько гармонично оно вписалось бы в ансамбль зданий классического стиля, обрамляющих площадь. В ходе обсуждения от идеи отведения участка Марсова поля для строительства музея пришлось отказаться, так как, по мнению Военного министерства, постройка какого-либо здания там вызвала бы тесноту при парадах и, как следствие, уменьшение количества участвующих войск, что было для Военного ведомства нежелательным.

Второй предполагаемый вариант намечался в Михайловском саду — на месте садового павильона на берегу реки Мойки или же на участке, прилегающем к Большой Садовой улице.

Михайловский сад относился к Михайловскому дворцу, занятому Императором Александром III Русским музеем¹¹⁵, в ведении администрации которого находился и сад. При всем сочувствии к делу Суворовской комиссии, администрация Русского музея ее предложения отклонила, так как павильон Михайловского сада был создан в начале XIX века по проекту архитектора К. И. Росси и, являясь памятником архитектуры, не мог подвергнуться разрушению или перестройке. К тому же площадь его помещений входила в проекты администрации развития собственных зданий музея. Второе же место не могло быть предоставлено из опасений подобным примером поощрить многочисленные благотворительные организации, постоянно обращавшиеся в администрацию музея с просьбами об уступке участков сада.

Третий вариант — Летний сад. Городскою думой, в ведении которой находился сад, этот вариант был отклонен из-за нежелания сокращения его площади, являющегося к тому же памятником садово-паркового искусства XVIII века и местом, куда простой народ и нижние чины не допускались, что сделало бы музей для них недоступным.

Четвертое место — между Михайловским (Инженерным) замком и его павильонами — в сквере на набережной реки Фонтанки или на участке вдоль Большой Садовой улицы с занятием окраинной части сада дома бывшего Военного министра, генерал-адъютанта генерала-от-инфантерии П. С. Ванновского¹¹⁶. На третьем заседании, после рассмотрения всех предложений, доводов и ответов заинтересованных лиц, было решено остановиться на этом последнем варианте.

Генерал-лейтенант А. И. Куропаткин со вниманием следил за делом определения участка земли для музея. Он считал, что определить место будущего музея можно будет только после представления окончательного проекта, а если сто-

имость его превысит намеченные 150 000 рублей, то, по его мнению, необходимость в участке земли и вовсе отпадет, а музей нужно будет устроить, например, при Николаевской Академии Генерального Штаба, которая намечала строительство новых зданий.

Военный министр кроме того высказался против урезки сада П. С. Ванновского, таким образом и это предложение о месте музея отпало, и осталось единственно возможное — в сквере на набережной реки Фонтанки, близ Михайловского (Инженерного) замка.

Этот участок земли в середине XIX века принадлежал Военному ведомству, но был безвозмездно передан в ведение Городской думы, с которою и снеслась Суворовская комиссия относительно своего проекта. Несмотря на то что с предложением строительства Суворовского музея был полностью согласен санкт-петербургский городской голова потомственный почетный гражданин П. И. Леянов, гласные Городской думы высказались по этому поводу отрицательно, мотивируя свой отказ нежеланием сокращения площади городских садов, «необходимых городу в санитарном отношении».

Подняв старинные планы и документы, комиссия обнаружила, что спорный участок был передан Военным министерством Городской думе лишь для заведования, а значит городским властям не принадлежал, и отклонять предложение военной организации — Суворовской комиссии при Главном Штабе — о его использовании Городская дума не имела права. Назрел конфликт между Военным министерством и Санкт-Петербургской Городской думой о спорном землевладении. Дело зашло настолько далеко, что Военный министр приказал созвать особое совещание под председательством начальника Главного Штаба, генерал-адъютанта Генерального Штаба генерал-лейтенанта В. В. Сахарова для

выяснения всех обстоятельств дела. Между тем спор разрешился сам собой в пользу Городской думы, но с большим успехом для дела, нежели тогда, как победительницей вышла бы Суворовская комиссия.

Последовало Императорское повеление о пожаловании Николаевской Академии Генерального Штаба обширного участка Преображенского плаца на Песках, в Санкт-Петербурге, — огромной частично застроенной, но преимущественно пустующей площади, ограниченной Слоновой¹¹⁷, Таврической, Кировой¹¹⁸, Парадной и Госпитальной улицами. 13/25 октября 1899 года последовало разрешение на устройство Суворовского музея в ведении Николаевской Академии Генерального Штаба на ново-пожалованном ей для строительства участке земли¹¹⁹, что и было воплощено в жизнь в 1901—1904 годах архитектором А. И. фон Гогеном, построившим ныне существующее здание Суворовского музея — на углу Кировой и Таврической улиц¹²⁰.

Одновременно с разрешением вопроса о месте будущего музея последовало повеление о передаче всех денег и дел Суворовской комиссии при Главном Штабе Николаевской Академии Генерального Штаба¹²¹.

29 октября/10 ноября 1899 года пребывавшие в Санкт-Петербурге члены комиссии приняли участие в торжественном заседании конференции Николаевской Академии Генерального Штаба, посвященном столетию со дня воследования приказа о возведении генерал-фельдмаршала, князя Италийского, графа А. В. Суворова-Рымникского в звание генералиссимуса, проходившем в старом здании Академии на Английской набережной, 32¹²².

15/26 декабря 1899 года передача дел была закончена, и Суворовская комиссия при Главном Штабе прекратила свое существование.

Деятельность Суворовской комиссии при Главном Штабе была непродолжительной — всего один год и девять месяцев, но за это время ею была проделана большая работа, осуществлен целый ряд важных начинаний. Сам факт организации комиссии есть свидетельство глубочайшего почтения русской общественности, прежде всего военной, к имени Великого полководца, генералиссимуса, князя Италийского, графа А. В. Суворова-Рымникского. Дело увековечения его памяти возглавили видные ученые — военные историки рубежа XIX—XX веков. Не храм, не монумент, как то было принято на Руси раньше, решили воздвигнуть на вечную память потомству, но научно-просветительное учреждение, музей — хранилище памятников далекой суворовской эпохи. К устройству этого «памятихранилища» — Суворовского музея — были предприняты первые, самые трудные шаги. На прочную основу был поставлен сбор средств на суворовский памятник, была подготовлена почва для осмысленного празднования грядущего юбилея распространением сведений о Суворове путем чтения лекций, проведения бесед, устроения зрелищ. Первые суворовские реликвии стали стекаться в руки заботливых и умелых хранителей.

Не все в работе комиссии проходило гладко, были и трудности, и ошибки, но их пример дал возможность более успешной работы преемнице комиссии — Суворовской комиссии при Николаевской Академии Генерального Штаба, которая и довела дело организации Суворовского музея до конца. Заслуга зачинателей дела увековечения памяти Суворова в этом несомненна, ибо труд Суворовской комиссии при Главном Штабе послужил «закладным камнем» в основание существующего поныне Государственного Военно-исторического музея Александра Васильевича Суворова.

1979

¹ Ф. И. ИМС. Инв. № МС КГІ 2375/ІІІ 17, «Журнал Суворовской комиссии».

² Там же. Инв. № МС КГІ 2358/ІІІ 1 — КГІ 2375/ІІІ 17.

³ Кожемяченко Н. Ф., Кучумов А. М. Музей А. В. Суворова (путеводитель). Л., 1954. С. 7–8.

⁴ Буданов Ф. В., Меерович Г. И. Суворов в Петербурге. Л., 1978. С. 289.

⁵ Бильдерлинг А. Музей Суворова // Русский Инвалид. 1898. № 261; Дембовский А. На памятник нашему народному герою великому Суворову // Разведчик. 1898. № 396. С. 444–447; Мышлаевский А. З. Обзор пожертвований на памятник Суворову за 1898 г. // Русский Инвалид. 1899. № 8; С-ий П. Отчет о «Суворовских чтениях» в Московском военном округе // Русский Инвалид. 1899. № 135–136 и др.

⁶ Внутренние известия // Русский Инвалид. 1894. № 182.

⁷ Небезынтересно, что аргументация А-на, высказанная в заметке, была полностью, лишь с незначительными дополнениями, повторена Суворовской комиссией при Главном Штабе на ее первом заседании, когда решался вопрос о форме увековечения памяти полководца.

⁸ Внутренние известия // Русский Инвалид. 1897. № 206.

⁹ О столетии со дня кончины Суворова // Разведчик. 1897. № 314. С. 383.

¹⁰ Навроцкий А. Пожертвования гг. офицеров Апшеронского полка на увековечение памяти Суворова // Русский Инвалид. 1899. № 50.

¹¹ Журнал Суворовской комиссии. Л. 3.

¹² Там же. Л. 1.

¹³ Заметки // Разведчик. 1898. № 389. С. 291.

¹⁴ Музей Суворова // Разведчик. 1898. № 424. С. 768.

¹⁵ Список генералам по старшинству. СПб., 1900. С. 168; подробнее см.: Военная Энциклопедия (ВЭ). СПб., 1910. Т. IV. С. 577.

¹⁶ Список генералам по старшинству. С. 415; подробнее см.: Т. IV. С. 530.

¹⁷ Список генералам по старшинству. С. 390. В заметках, посвященных комиссии (Музей Суворова // Разведчик. 1898. № 424. С. 786; Внутренние известия // Русский Инвалид. 1898. № 258; Музей Су-

ворова // Новое Время. 1898. № 8177 и др.), фамилия генерал-майора К. К. Штрэндмана ошибочно воспроизведена как «Штендман». Журнал Суворовской комиссии, не свободный, кстати, от целого ряда некоторых формальных неточностей, приводит его фамилию в написании «Штрэндтман».

¹⁸ Весь Петербург. СПб., 1898. Стб. 82.

¹⁹ Там же. Стб. 118.

²⁰ Список полковникам по старшинству. СПб., 1900. С. 202; подробнее см.: ВЭ. СПб., 1911. Т. XVI. С. 492.

²¹ Список полковникам по старшинству. С. 861.

²² Весь Петербург. Стб. 119; подробнее см.: ВЭ. СПб., 1910. Т. VII. С. 298.

²³ Здание сохранилось. Адрес прежний.

²⁴ Внутренние известия // Русский Инвалид. 1898. № 61; Заметки // Разведчик. 1898. № 389. С. 291.

²⁵ Журнал Суворовской комиссии. Л. 1–5.

²⁶ Бильдерлинг А. Музей Суворова // Русский Инвалид. 1898. № 261.

²⁷ Здание сохранилось. Адрес прежний.

²⁸ Список генералам по старшинству. С. 953; подробнее см.: ВЭ. СПб., 1911. Т. XVIII. С. 163.

²⁹ С самого начала название комиссии не было четко определено и потому многочисленные жертвователи в своих письмах именovali ее различным образом. В «Журнале Суворовской комиссии», в заголовке протокола первого заседания (л. 1) название воспроизведено в следующем варианте: «Комиссия по разработке вопроса об увековечении памяти генералиссимуса светлейшего (? — А. Н.) князя Италийского, гр. Суворова-Рымникского». Правильным же официальным первоначальным названием Суворовской комиссии надлежит считать следующий вариант: «Особая комиссия при Главном Штабе по увековечению памяти генералиссимуса, князя ИТАЛИЙСКОГО, графа Суворова-РЫМНИКСКОГО», так как оно и было воспроизведено в качестве реквизита на угловом штампе бланка комиссии (ФПИМС. Инв. № МС КІІ 2371/ІІІ 14, д. 1/48, «О сборе денежных средств на постройку Суворовского музея, 1899». Л. 3).

³⁰ Журнал Суворовской комиссии. Л. 6–8.

³¹ Там же. Л. 9–12.

³² Там же. Л. 13–15.

³³ Там же. Л. 16–17.

³⁴ Там же. Л. 22–23.

³⁵ Там же. Л. 28–29.

³⁶ Там же. Л. 30–31.

³⁷ Там же. Л. 32–34.

³⁸ Список полковникам по старшинству. С. 239; подробнее см.: ВЭ. СПб., 1910. Т. X. С. 338.

³⁹ Список полковникам по старшинству. С. 532.

⁴⁰ Ныне — село Александровка Любытинского района и село Кончанское-Суворовское Боровичского района Новгородской области.

⁴¹ Здание сохранилось. Адрес прежний.

⁴² Журнал Суворовской комиссии. Л. 4.

⁴³ ФПИМС. Инв. № МС КІІ 2358/ІІІ 1. Л. 1.

⁴⁴ Заметки // Разведчик. 1898. № 389. С. 291.

⁴⁵ Дембовский Л. На памятник нашему народному герою великому Суворову // Разведчик. 1898. № 396. С. 444–447.

⁴⁶ Внутренние известия. // Русский Инвалид. 1898. № 258; Музей Суворова // Разведчик. 1898, № 424. С. 786.

⁴⁷ Мышлаевский А. З. Обзор пожертвований на памятник Суворову за 1898 г. // Русский Инвалид. 1899. № 8.

⁴⁸ Данные взяты из таблицы, опубликованной в качестве иллюстрации в указанной выше статье полковника А. З. Мышлаевского.

⁴⁹ О пожертвованиях на устройство Суворовского музея // Разведчик. 1899. № 438. С. 227.

⁵⁰ Журнал Суворовской комиссии. Л. 10–11.

⁵¹ Там же. Л. 14.

⁵² Внутренние известия // Русский Инвалид. 1899. № 23.

⁵³ Там же. № 15.

⁵⁴ П. Р. Пожертвования 21 пехотной дивизии на увековечение памяти Суворова // Русский Инвалид. 1899. № 60.

⁵⁵ Сообщения и афиши о Суворове // Разведчик. 1899. № 457. С. 635.

⁵⁶ ФПИМС, инв. № МС КІІ 2366/ІІІ 9. Л. 18–20, 23–24.

⁵⁷ Журнал Суворовской комиссии. Л. 33.

⁵⁸ К-ий В. В. Из Рязани // Русский Инвалид. 1899. № 47.

⁵⁹ Внутренние известия // Русский Инвалид. 1899. № 69.

⁶⁰ Заметки // Разведчик. 1899. № 437. С. 635.

⁶¹ Г. Д. Внутренние известия // Русский Инвалид. 1899. № 56; Заметки // Разведчик. 1899. № 442. С. 322.

⁶² В пользу фонда на сооружение памятника Суворову // Русский Инвалид. 1899. № 66; Заметки // Разведчик. 1899. № 440. С. 273.

⁶³ Заметки // Разведчик. 1899. № 441. С. 299–300.

⁶⁴ Там же. № 446–447. С. 421.

⁶⁵ Внутренние известия // Русский Инвалид. 1899. № 109.

⁶⁶ Там же. № 104.

⁶⁷ Там же. № 138.

⁶⁸ Там же. № 208.

⁶⁹ Заметки // Разведчик. 1899. № 453. С. 556–557.

⁷⁰ С-ий П. Отчет о «Суворовских чтениях» в Московском военном округе // Русский Инвалид. 1899. № 135–136.

⁷¹ Данные из таблицы, опубликованной в качестве иллюстрации указанного отчета о Суворовских чтениях подполковника П. Н. Симанского.

⁷² Данные из таблицы, опубликованной в качестве иллюстрации к отчету бывшей Суворовской комиссии при Главном Штабе // Разведчик. 1900. № 482. С. 42–43.

⁷³ Объявления // Русский Инвалид. 1899. № 44.

⁷⁴ В. М. Генералиссимус Суворов и его подвиги // Русский Инвалид. 1899. № 154.

⁷⁵ Объявления // Русский Инвалид. 1899. № 199.

⁷⁶ Там же. № 218.

⁷⁷ Там же. № 243.

⁷⁸ Там же. № 262.

⁷⁹ Журнал Суворовской комиссии. Л. 31.

⁸⁰ Там же. Л. 1–2.

⁸¹ См. ранее. С. 7.

⁸² Инв. № МС-138.

⁸³ Журнал Суворовской комиссии. Л. 3.

⁸⁴ ФПИМС. Инв. № МС КП 2359/ПИ 2. Л. 3.

⁸⁵ Журнал Суворовской комиссии. Л. 2.

⁸⁶ Там же. Л. 3.

⁸⁷ Там же. Л. 4.

⁸⁸ Там же. Л. 3.

⁸⁹ Там же. Л. 7.

⁹⁰ Впоследствии эта церковь со всем убранством была безвозмездно передана В. В. Молоствовым Суворовской комиссии при Николаевской Академии Генерального Штаба. В 1900 году церковь перенесли в Санкт-Петербург, собрали на плацу Лейб-гвардии Преображенского полка на «новопожалованном» участке земли Академии и торжественно освятили. После революции храм закрыли, а в 1930-е годы разобрали и уничтожили.

Старинные иконы, Царские врата и некоторые другие детали убранства (всего 106 единиц) одно время сохранялись в Суворовском музее, а затем, как «непрофильные материалы», по распоряжению Отдела культурно-просветительной работы Ленгорисполкома были переданы музеем Истории религии и атеизма в Ленинграде (акт от 25 июля 1951 года).

⁹¹ В настоящее время хранится в музее А. В. Суворова. Инв. № МС-341, 361, 362, 363, 365, 366, 367, 370, 373, 375, 545 и 3597.

⁹² Журнал Суворовской комиссии. Л. 11–12.

⁹³ Бильдерлинг А. Музей Суворова // Русский Инвалид. 1898. № 261.

⁹⁴ В настоящее время мраморная копия этого бюста, выполненная скульптором В. Жильцовым в 1950 году, находится в Государственном мемориальном музее А. В. Суворова. Инв. № МС-13003.

⁹⁵ В настоящее время хранится в музее А. В. Суворова, а принадлежит Эрмитажу. Инв. № Ж-1917.

⁹⁶ В настоящее время принадлежит Эрмитажу. Инв. № Ж-100.

⁹⁷ В настоящее время принадлежит Эрмитажу. Инв. № Р-3766.

⁹⁸ Ныне Российская национальная библиотека.

⁹⁹ В настоящее время хранится в музее А. В. Суворова.

¹⁰⁰ В настоящее время хранится в музее А. В. Суворова, а принадлежит Гатчинскому краеведческому музею (г. Гатчина Ленинградской области). Инв. № Г-21754.

¹⁰¹ Батальная картина «Штурм Измаила» была заказана Артиллерийским Историческим музеем живописцу Студии военных художников им. М. Б. Грекова Ф. П. Усыпенко в 1957 году. Находится в Военно-историческом музее Артиллерии, Инженерных войск и войск Связи (б. Артиллерийский Исторический музей). Инв. № 3/1786. По своим художественным достоинствам оставляет желать много лучшего.

Картина на сюжет штурма Варшавского предместья Праги исполнена не была.

¹⁰² Орлов Н. Модель Измаила // Русский Инвалид. 1899. № 9.

¹⁰³ Данные ведомости частично содержатся в «Журнале Суворовской комиссии» (л. 8), а полностью были опубликованы: И. К. устройству Суворовского музея // Русский Инвалид. 1899. № 242.

¹⁰⁴ В настоящее время хранится в музее А. В. Суворова; была передана еще Временному Суворовскому музею, располагавшемуся в шатре близ Александро-Невской Суворовской Кончанской, что при Николаевской Академии Генерального Штаба церкви, и является старейшим экспонатом музея.

Этот шатер (палатка) был поставлен по случаю столетия со дня смерти А. В. Суворова и намеченной на этот день закладки здания музея. В нем временно были выставлены все собранные экспонаты. Перед входом установлена пушка из захваченных русскими воинами в сражении при Нови (1799). Привезена из Кончанского и собрана на Преображенском плацу Суворовская Александро-Невская церковь. Распоряжением Суворовской комиссии при Николаевской Академии Генерального Штаба было предусмотрено немало торжественных мероприятий, в числе которых и раздача памятных крестиков, сделанных из оставшихся кусочков деревянных церковных конструкций. Неизвестные мастера, почтитатели А. В. Суворова исполнили макет церкви и простенькие крестики (6 x 3,5 см) с печатью: «Изъ дерева церкви Князя А. В. Суворова». Церковь и памятные крестики освятил Свт. Иоанн КРОНШТАДТСКИЙ.

¹⁰⁵ Журнал Суворовской комиссии. Л. 33–34.

¹⁰⁶ Там же. Л. 11.

¹⁰⁷ Там же. Л. 17.

¹⁰⁸ Там же. Л. 2.

¹⁰⁹ Внутренние известия // Русский Инвалид. 1898. № 271.

¹¹⁰ В настоящее время фасад восточного крыла здания Суворовского музея украшает мозаичное панно работы мозаичистов Общества вспомоществования русским художникам под руководством М. И. Зощенко и Н. Е. Масленникова «Отъезд Суворова в поход 1799 г.» с картины художника Н. А. Шабунина, а западное — «Переход Суворова через Альпы в 1799 г.» с картины художника капитана А. Н. Попова.

¹¹¹ Журнал Суворовской комиссии. Л. 6.

¹¹² Внутренние известия // Русский Инвалид. 1898. № 283.

¹¹³ Журнал Суворовской комиссии. Л. 14.

¹¹⁴ Там же. Л. 15–16.

¹¹⁵ Ныне Государственный Русский музей. Адрес прежний.

¹¹⁶ Ныне дом № 4 по Большой Садовой улице.

¹¹⁷ С 1900 года — Суворовский проспект.

¹¹⁸ После революции была переименована в улицу Салтыкова-Щедрина; в 1998 году возвращено прежнее название — Кирочная.

¹¹⁹ Сооружение музея в память Суворова // Русский Инвалид. 1899. № 228.

¹²⁰ Ныне Государственный мемориальный музей А. В. Суворова. Современный адрес: Кирочная улица, дом № 43.

¹²¹ Отчет б. «Суворовской» комиссии при Главном Штабе // Разведчик. 1900. № 482. С. 42.

¹²² Торжественное заседание Конференции Николаевской Академии Генерального Штаба // Русский Инвалид. 1899. № 236. С. 126. Здание сохранилось.